

Политическая пехота как инструмент установления нового мирового порядка

МАНОХИН Игорь Викторович

Современное развитие человеческой цивилизации характеризуется постоянным появлением новых тенденций и явлений при одновременном снижении их предсказуемости и нарастании хаотизации мира. Выяснение сути происходящего и создание полноценной характеристики современной эпохи существенно затрудняется множеством обстоятельств.

Вместе с тем в сложной палитре политической картины современного мира можно вычленить ключевое противоречие современной эпохи. Его образует столкновение двух групп глобальных акторов в виде народов, государств и цивилизаций с одной стороны и транснациональных образований — с другой. Фактически же речь идет о столкновении традиции и постмодерна.

Принципиально отличаются и их подходы к достижению своих целей. Если государства и цивилизации допускают существование других, рассматривая их как равноправных партнеров, то в видении мира стремящихся к мировому господству предполагается лишь доминирование одних и вассальное положение других. Если одни стремятся действовать в определенных рамках, самоограничивая себя, взаимно признавая и ограничивая друг друга, то другие не связаны в выборе средств, инструментов, сфер противодействия и его форм.

Такова их борьба

Непримиримый характер противоречия объясняется принципиальными различиями в системе ценностей. Традиция — это прежде всего полноценная разнополая семья с детьми, традиционная религия, государство как институт политической организации общества, армия (государственная вооруженная организация) как инструмент ведения конвенциональной войны. Постмодерн — это фактически отрицание всего названного. То, что строит постмодерн, принято называть «новым мировым порядком», в реальности это означает стремление к установлению эпохи господства Америки во всем мире. Глубоко символично то, что именно слова «Новый мировой порядок» (*Novus ordo seclorum*) размещены на большой государственной печати США и на однодолларовых американских купюрах. Строителями «нового мирового порядка» не предусматривается наличие у государств, цивилизаций и народов признаков субъектности¹. Судя по всему, они никогда не смирятся с существованием последних.

Из указанных отличий в системе ценностей и установок вытекает понимание политики, политической борьбы, средств ее ведения, методов, форм, технологий, целей, допустимых пределов и др. В полной мере рассмотреть их в ограниченном по объему тексте просто не представляется возможным.

К тому же происходит постоянное расширение сфер противоборства, что и продемонстрировала Олимпиада в Бразилии, поскольку такой сферой в очередной раз стал спорт высших достижений, где, казалось бы, все должно быть построено на честной борьбе. Отсюда целесообразно указать, по поводу чего происходят современные конфликты, что является их объектом и предметом:

— со стороны транснациональных и наднациональных акторов борьба ведется за глобальное и безусловное доминирование, за монопольное и императивное право определять жизненный уклад всех других субъектов (в конечном итоге — за беспрепятственный доступ к природным ресурсам);

¹ См.: Глобальные вызовы XXI века – геополитический ответ России: монография / под ред. академика И.И. Халеевой. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. С. 8–91.

— со стороны традиционных субъектов — за сохранение политического статуса народов, за право на сохранение идентичности и суверенитета, за право самостоятельно определять свою историческую судьбу.

Разумеется, в окружающей политической действительности нетрудно обнаружить, что транснациональными акторами и их сторонниками в этой борьбе по-прежнему важное место отводится военной силе². Более того, использование вооруженных сил для насаждения «демократии» стало совершенно обыденным делом. Возможен и другой вариант: установление демократии, борьба с гуманитарными катастрофами и др. выступают вполне благовидным предлогом применения военной силы. Со значительной долей сарказма и издевки, характеризуя современную эпоху, французский социолог А. Бадью отметил, что «наступило время права с большими кулаками, права на вмешательство. Триумфального шествия демократических войск»³. Анализ же политической действительности, проводимые исследования убедительно свидетельствуют, в частности, о том, что именно военная сила и североатлантический альянс рассматриваются США как ключевой элемент сохранения и укрепления своего безоговорочного лидерства⁴. Вместе с тем и применение военной силы видоизменяется, порой причудливым образом, что попадает в поле зрения исследователей⁵.

Однако далеко не всегда субъектами постмодерна используется военная сила. Следует обратить внимание на то, что для политической борьбы транснациональных акторов за установление «нового мирового порядка», в отличие от их оппонентов, свойственны:

— использование всего имеющегося арсенала средств и ресурсов;

² См.: Иванов О.П. Военная сила в глобальной стратегии США: монография. М.: Восток – Запад, 2008.

³ Бадью А. Тайная катастрофа // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. М.: Практис; Институт экспериментальной социологии, 2005. С. 280.

⁴ См.: Штоль В.В. Армия «Нового мирового порядка». М.: ОГИ, 2010.

⁵ См.: Хрусталев М.А. Диверсионно-террористическая война как военно-политический феномен // Международные процессы. 2003, № 2. С. 55–68.

— отсутствие моральных ограничений в тотальной борьбе с несвободными нецивилизованными «варварами», равнодушие к понесенным ими жертвам;

— применение самых разрушительных методов по отношению к другим государствам и народам;

— решительность, ведение борьбы «до победного конца», до ниспровержения, а в случае необходимости — до полного уничтожения противника;

— постоянный характер борьбы (отсутствие «перемирий», периодов мирного и военного времени).

Соответствующие «демократические» установки так или иначе провозглашаются в доктринальных документах. Так, еще в 2006 году в Стратегии национальной безопасности США было отмечено, что «Америка находится в состоянии войны», и уточнено: «Наша конечная цель — распространение демократии по всему миру»⁶. Положения аналогичного документа, утвержденного президентом США Обамой в феврале 2015 года, в этом смысле еще более категоричны. Ключевая мысль, наиболее ясно отражающая устремления государственной политики США и предназначение документа, звучит следующим образом: «Она направлена на инициативное продвижение наших интересов и ценностей с позиции силы»⁷.

Почему пехота?

Такая борьба будет иметь успех только в случае хорошей организации. Она ведется скоординированно и целеустремленно, в соответствии с долгосрочными стратегическими установками. С учетом рассматриваемой проблемы укажем лишь, что для достижения поставленных целей используются многочисленные и разнородные отряды политической пехоты. Данное понятие все более часто используется в политическом лексиконе для описания тех или иных интенсивных и неоднозначных процессов окружающей действительности. Его содержание осмысливается и специалистами,

⁶ Цит. по: Безопасность России в XXI веке. М.: ИСПИ РАН, 2006. С. 50.

⁷ См.: National security strategy of the United States of America // <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/02/06/fact-sheet-2015-national-security-strategy>

что способствует введению в научный оборот. Так, впервые использование словосочетания «политическая пехота» в профильной отечественной литературе можно обнаружить более двух десятилетий назад⁸. Следует позитивно оценить то, что на данный феномен обращают внимание и молодые специалисты (среди них и выпускница Московского государственного лингвистического университета)⁹.

Разумеется, политическая пехота в данном случае — это прежде всего звучная метафора, афоризм, образное сравнение, характеризующее определенный новый феномен. Как и многие другие понятия, оно привнесено в политический лексикон из военной сферы. Почему же оно получило распространение и зачем его использовать? По всей видимости, целесообразно обратиться к этимологии слова.

В первую очередь отметим, что пехота — древнейший род войск, от нее и ведет свой отсчет история армии как военной организации государства. Традиционно одно из значений слова «армия» — сухопутные войска. Когда в речи используется слово «пехота», в человеческом сознании складывается определенный образ, основанный на тиражированных батальных исторических сценах. Как известно, в бою именно пехота несла и несет наибольшие потери. Продолжительность жизни пехотинца на фронте при высокой интенсивности классических боевых действий и даже при удачном стечении обстоятельств чрезвычайно коротка. Если очень повезет — все равно считанные месяцы. Фактически призывание и жестокая привилегия только пехоты — находиться ближе всего к противнику и сталкиваться с ним в рукопашной. Именно пехота густо устилала своими телами поля сражений и путь к победе, часто довольствуясь скромной оценкой своей тяжелой работы и оставаясь малозаметной на фоне действий других родов войск, принесла при этом на алтарь победы самую кровавую жертву. Своими жертвами пехота расплачивается порой и за ошибки начальства.

⁸ См.: Шахов А.Н. Гарант суверенитета, или Почему государству нужна не политическая, а военная пехота // Армейский сборник, 1995, № 11. С. 7–14.

⁹ См.: Незнанова А.В. Политическая пехота нового мирового порядка // Безопасность Евразии, 2015, № 1. С. 248–249.

Другим элементом распространенного в массовом сознании стереотипа, связанного с восприятием пехоты, является признание за ее личным составом невысокого на фоне других интеллектуального потенциала и уровня образования. Отсюда и отношение представителей других родов оружия к пехоте — часто довольно снисходительное, пусть и доброжелательное, построенное на осознании своего более высокого технического оснащения и иного превосходства над «царицей полей» («Не пыли, пехота...»). Старая русская армейская прибаутка гласила: «Умный — в артиллерии, богатый в кавалерии, пьяница — во флоте, а дурак — в пехоте». Можно напомнить и то, что основной герой анекдотов и комичных историй об армии — бравый и ограниченный пехотинец. В наиболее отрицательном варианте для обозначения указанного феномена используется понятие «солдафонство».

Нельзя не сказать и о таком известном качестве пехоты, как ее неприхотливость, которая сформировалась вследствие нередкого в боевых условиях отсутствия бытовых удобств. Содержание пехоты — явно дешевле, нежели других высокооснащенных воинских формирований, как показывают специальные расчеты.

Наконец, именно образ пехотинца нередко выступает как символ окончательной и бесповоротной победы над поверженным противником, что запечатлено на фотографиях, произведениях искусства, в глубинах народной памяти. Представитель пехоты приходит в логово врага, уничтожает его и принуждает к капитуляции, водружает знамя, фиксирует в результате новый политический статус-кво.

Как представляется, благодаря именно названным качествам армейской пехоты понятие и оказалось привнесенным в повседневный политический лексикон. Востребованным оно оказалось также и потому, что политика, по большому счету, представляет собой поле непрерывающегося сражения, на котором противоборствующие силы выстраиваются в определенный боевой порядок, и управление ими относится к сфере высокого искусства.

Имя им — легион!

Что еще, кроме эмоционального и понятного образа, дает введение нового понятия, по крайней мере, придание ему нового звучания?

Отвечая на этот вопрос, следует обратить внимание на то, что в современных условиях в политические процессы как национального, так и регионального и глобального уровней все более часто происходит вмешательство самых разнородных групп-субъектов. Казалось бы, они не связаны между собой и не имеют ничего общего, при этом далеко не всегда источают агрессивность. На этом поле активно играют сами транснациональные корпорации, частные военные компании, псевдоправозащитные организации, псевдорелигиозные организации (прежде всего нетрадиционные конфессии)¹⁰, деструктивная оппозиция, средства массовой информации, прежде всего глобальные медиаимперии¹¹, радикальные националистические и экстремистские организации (в том числе молодежные¹²), представители сексуальных меньшинств (с недавних пор) и др.

Справедливости ради нельзя не отметить того, что во внутриаполитической жизни «отряды» такой пехоты по мере необходимости нередко использует (или специально создает их) и государственная власть в интересах самолегитимации и борьбы с оппонентами.

Если же говорить об обстановке в глобальном плане, то транснациональными стратегами весь мир уже давно рассматривается как целостный театр военных действий. Как представляется, предельно откровенно передает суть происходящего уже само название известной книги американского исследователя (и русофоба) Зб. Бжезинского «Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы)». Пешки в этой шахматной игре факти-

¹⁰ См.: Здоровец Я.И., Мухин А.А. Религиозные конфессии и секты. М.: Изд-во Алгоритм, 2005; Дворкин А.Л. Введение в сектоведение. Нижний Новгород: Издательство Братства во имя св. Александра Невского, 1998; Митрохин Л.Н. Религии «Нового века». М.: Сов. Россия, 1985.

¹¹ См.: Белозёров В.К., Копылова Д.А. Транснационализация СМИ как проблема международной и национальной безопасности // Вестник Академии военных наук, 2013. № 4. С. 33–36.

¹² См.: Савельев В.А. Горячая молодежь России. Лидеры. Организации и движения. Тактика уличных битв. Контакты. М.: ООО «Кванта», 2006; Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М.: Academia, 2009.

чески и представляют собой не что иное как политическую пехоту, используемую в различных комбинациях и с разной степенью задействования.

С учетом изложенного можно назвать некоторые сущностные признаки этого пестрого и разнородного субъекта.

Прежде всего, политическая пехота — несамостоятельный игрок, пусть даже со стороны выглядит совсем наоборот. Фактически она представляет собой не более чем инструмент, используемый могущественными внешними силами и направляемый ими. Эти же силы в случае необходимости придают видимость признания какой-либо группировке. Например, в зависимости от своих интересов и от складывающейся ситуации террористов по вольному усмотрению принято подразделять на «плохих» и «хороших». Характерно также, что немецкий политический мыслитель Карл Шмитт для описания субъекта, пользующегося результатами «работы» партизана, употреблял понятие «заинтересованный третий»: «заинтересованный в партизане могущественный третий может думать и действовать эгоистически»¹³. Исходя из этого иррегулярный боец и может быть признан легитимным, а не преступным. В результате может иметь место как раз тот случай, когда поле битвы после победы принадлежит мародерам, действующим с политической точки зрения и целесообразности исключительно профессионально.

С несамостоятельностью и отсутствием субъектности тесно связан и другой признак: у отрядов политической пехоты вовсе не обязательно имеется какой-либо внятный, выраженный и артикулированный политический интерес, своя доктрина устройства мира. Им не обязательно быть идейными борцами, при их использовании может иметь место банальная коммерческая сделка, возмездное приобретение конкретных услуг для решения отдельных локальных задач на строго обозначенный период (например, на проведение протестной акции).

¹³ Шмитт К. Теория партизана / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. М.: Практикс, 2007. С. 139.

Наконец, следует указать еще один признак. Своему в известной степени пренебрежительному характеру наименования политическая пехота обязана тем, что фактически она является не более чем расходным материалом, дешевой рабочей силой, в лучшем случае — временным попутчиком, перед которым в борьбе за власть просто не может быть никаких долговременных и моральных обязательств. Неудивительно, что выходцы из политической пехоты крайне редко попадают во власть, не говоря уже о допуске их к принятию политических решений.

* * *

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что понятие «политическая пехота» заслуживает права на существование, поскольку позволяет взглянуть на происходящее в ином ракурсе и осмыслить его суть. Поэтому и введение его в научный оборот оправданно.

На Россию же давление в разных формах продолжится, при одновременном постоянном обвинении в ведении «гибридной войны» и прочих смертных грехах. Думается, что откровенно дискриминационная и унижительная для нашей страны процедура допуска спортсменов к участию в Олимпиаде 2016 года — пусть и резонансный, однако лишь один из отголосков этой постоянной борьбы. И такие антироссийские действия вполне вписываются в изложенную выше схему. Следовательно, надо быть к этому всесторонне подготовленным. Анализ доктринальных документов России в сфере политики безопасности и обороны, утвержденных президентом в 2014–2015 гг., свидетельствует о том, что на уровне руководства государства присутствует понимание происходящего¹⁴. Думается, будет выстроена и эффективная система противодействия «политической пехоте».

¹⁴ См.: Белозёров В.К. Военная доктрина России: в начале большого пути // Власть, 2015. № 2. С. 98–103; Он же. От стратегии национальной безопасности – к глобальному и перспективному стратегическому проектированию // Власть, 2016. № 7. С. 10–15.

Библиография

1. Белозёров В.К. Военная доктрина России: в начале большого пути // *Власть*, 2015, № 2.
2. Белозёров В.К. От стратегии национальной безопасности — к глобальному и перспективному стратегическому проектированию // *Власть*, 2016. № 7. С.
3. Белозёров В.К., Копылова Д.А. Транснационализация СМИ как проблема международной и национальной безопасности // *Вестник Академии военных наук*, 2013. № 4.
4. Глобальные вызовы XXI века — геополитический ответ России: монография / под ред. академика И.И. Халеевой М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012.
5. Дворкин А.Л. Введение в сектоведение. Нижний Новгород: Издательство Братства во имя св. Александра Невского, 1998.
6. Здоровец Я.И., Мухин А.А. Религиозные конфессии и секты. М.: Изд-во Алгоритм, 2005.
7. Иванов О.П. Военная сила в глобальной стратегии США: монография. М.: Восток — Запад, 2008.
8. Митрохин Л.Н. Религии «Нового века». М.: Сов. Россия, 1985.
9. Незнанова А.В. Политическая пехота нового мирового порядка // *Безопасность Евразии*, 2015. № 1.
10. Савельев В.А. Горячая молодежь России. Лидеры. Организации и движения. Тактика уличных битв. Контакты. М.: ООО «Кванта», 2006.
11. Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. М.: Праксис; Институт экспериментальной социологии, 2005.
12. Хрусталев М.А. Диверсионно-террористическая война как военно-политический феномен // *Международные процессы*, 2003. № 2. С. 55–68.
13. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М.: Academia, 2009.
14. Шахов А.Н. Гарант суверенитета, или Почему государству нужна не политическая, а военная пехота // *Армейский сборник*, 1995. № 11.
15. Шмитт К. Теория партизана / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. М.: Праксис, 2007.
16. Штоль В.В. Армия «Нового мирового порядка». М.: ОГИ, 2010.
17. National security strategy of the United States of America // <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/02/06/fact-sheet-2015-national-security-strategy>